

Конечно, я хочу красиво овдоветь!

Причина, по которой Юй Юань так стремился сюда, была невыразимой, поэтому он лишь опустил голову и продолжил дрожать. Не дрожать было невозможно: они находились слишком близко, и Юй Юань отчетливо ощущал каждый жаркий, влажный выдох Гу Шаочэна. Даже с приемной матерью, которая была ему ближе всех, он никогда не сокращал дистанцию до такой степени. Это напомнило ему начальную школу, когда его насильно окунали лицом в рисовое поле, чтобы он кормил пиявок...

Гу Шаочэн сжал его подбородок и силой заставил поднять голову.

Лицо Юй Юаня было миниатюрным и гармоничным: алые губы, белые зубы, фарфоровая кожа и иссиня-черные волосы. Пара миндалевидных глаз, которые он вечно прятал, сейчас максимально выражали его невинность и жалкий вид. В любом состоянии — будь то радость или горе — в нем сквозила какая-то особенная, уникальная хрупкость.

Взгляд Гу Шаочэна замер. В висках запульсировала боль, мгновенно отбившее всякое желание продолжать запугивание. Он с пренебрежением отпустил парня.

Юй Юань резко отпрянул назад, но не успел он прийти в себя, как мужчина снова подал голос:

— Сейчас еще не поздно уйти.

Гу Шаочэн прерывисто вздохнул и добавил с намеком:

— Мое тело... я не смогу тебе ничего дать.

Юй Юань замер. Это что, он его выгоняет?

Даже несмотря на то, что неконтролируемый страх и тревога сковывали его, лишая дара речи, Юй Юань был тверд в защите своей мечты. Он замотал головой, словно неваляшка: нет, ни за что!

Напряжение и страх, граничащие с шоком, наложились на еще не до конца выветрившееся действие лекарств. От такой интенсивной тряски Юй Юань быстро потерял равновесие, в горле неприятно запершило, и в следующее мгновение он рухнул прямо в объятия мужчины.

Гу Шаочэн опустил взгляд на подставившуюся тонкую белую шею. В глубине его глаз закипела ярость. Он что, думает, раз он больной немощный слабак, то с ним можно так бесцеремонно обращаться?

С характерным звуком «с-с-с» воротник халата был разорван. Прямые ключицы и острые углы плеч оказались на виду, а нежная, бледная кожа под светом ламп отливала жемчужным сиянием.

В момент, когда ткань треснула, Юй Юань был настолько ошеломлен, что даже забыл о тошноте. Его мозг лихорадочно сомневался в собственных снах: говорили же, что этот больной при смерти, так почему он силен, как моряк Попай, объевшийся шпината? Это вообще нормально?!

Гу Шаочэн молча наслаждался замешательством человека в своих руках. Его темные глаза намеренно переместились с мягких алых губ на едва виднеющуюся в вырезе грудь. Он хотел, чтобы тот отступил, столкнувшись с трудностями. Для тех, кто пытается нажиться на нем, лучшим наказанием будет изгнание, чтобы они остались ни с чем.

Посреди этих раздумий на холодную белую тыльную сторону ладони Гу Шаочэна упала прозрачная капля.

Слеза?

От теплого, влажного прикосновения Гу Шаочэн слегка вздрогнул.

В следующую секунду человек в его руках начал яростно вырываться. В глазах Гу Шаочэна осталась лишь густая, темная хмурость; он крепче сжал Юй Юаня, пытавшегося сбежать.

— Уэ-э...

Желудок Юй Юаня, в котором долго бурлило выпитое шампанское, наконец не выдержал.

Гу Шаочэн: «...»

В следующее мгновение Юй Юань, который сам себя довел до тошноты, не смог сдержаться и начал рвать.

Пока Гу Шаочэн не успел среагировать, Юй Юань уперся руками в его плечи, избавляясь от того, что мучило его желудок.

Побочные эффекты психотропных препаратов — дело обычное, а тут еще и сильный испуг... Но Юй Юань никак не ожидал, что, подобно бутылке шампанского, после пары встрясок его содержимое вырвется наружу. Ему стало легче, но, осознав, куда именно он стошнило, Юй Юань окаменел.

В спальне воцарилась гробовая тишина. Юй Юань вспомнил ту няню, которую Гу Шаочэн избил до полусмерти, и почувствовал, что его жизнь висит на волоске. Страх удвоился, и парень затрясся, как в лихорадке.

Лишь когда Гу Шаочэн приказал ему убираться, Юй Юань, словно получив помилование, пулей

влетел в ванную.

*

Оставшись в одиночестве, Юй Юань мгновенно пришел в себя.

Он увидел, что в ванной есть всё необходимое. Прополоскав рот, он развязал свой свадебный халат, намереваясь принять горячий душ. В конце концов, ему совсем не хотелось сталкиваться в комнате с Гу Шаочэном или нянями, поэтому он решил потянуть время здесь как можно дольше.

Его свадебное облачение напоминало традиционный женский костюм для китайских свадеб — прямое платье с юбкой, но на алом шелке не было вышитых золотом драконов и фениксов. Это был простой халат, по которому невозможно было определить принадлежность к мужскому или женскому полу. Однако, как и любой прямой крой, он требовал идеальных пропорций тела.

Вероятно, из-за детских лишений и недоедания восемнадцатилетний Юй Юань при росте 174 сантиметра был очень хрупким, но обладал прекрасными пропорциями. В этом халате он выглядел как тонкий, изящный стебель бамбука.

Юй Юань не спеша расстегивал пуговицы-узелки, разглядывая порванный воротник и размышляя о том, почему этот «моряк Попай» так не похож на описание в книге.

Каждая деталь разговора с супругами Ван после пробуждения идеально совпадала с сюжетом сна, но та сила, с которой Гу Шаочэн разорвал одежду, словно бумагу, совсем не вязалась с образом больного, которому осталось жить пару дней...

Впрочем, Юй Юань был лишь инструментом для проведения обряда «исправления судьбы». В начале книги он получил свою порцию внимания лишь благодаря близости к главным героям, а дальнейшие подробности его жизни в резиденции Гу были опущены. Он лишь предположил, что раз Гу Шаочэн вскоре после свадьбы должен был умереть, значит, сейчас он должен быть при смерти.

Размышляя об этом, Юй Юань еще раз прокрутил в голове основной сюжет. Истинная личность главного героя была донельзя абсурдной: на самом деле он был родным младшим братом Гу Шаочэна от другого отца. Как говорится, материнство — единственный способ быть уверенным в родстве.

Любимый сын отца Вана на деле оказался плодом любви матери Вана и отца Гу.

Отец Гу тоже был примаком, который всю жизнь притворялся жалким и никчемным зятем, пока старый господин Гу держал в руках всю власть. На самом деле он полжизни ждал, когда тесть и сын умрут.

Его план был хитроумным: он хотел использовать смерть Гу Шаочэна, чтобы гневом старого господина Гу уничтожить клан Ван. Вот почему он объединился с матерью Вана, устроив эту многоходовочку.

Как только отец Гу получит власть, главный герой станет единственным наследником и начнет свой путь к триумфу.

Поэтому, пока Гу Шаочэн — этот картонный персонаж — не умрет, сюжет не сдвинется с мертвой точки. Но в книге не уточнялось, чем именно он болен. Может, врожденная слабость привела к каким-то осложнениям?

Юй Юань безоговорочно доверял своим снам. Он вспомнил их короткое столкновение: Гу Шаочэн был вспыльчивым, раздражительным, горячим на ощупь и истощенным...

Возможно, у него и правда была какая-то неизлечимая болезнь. В конце концов, такие влиятельные семьи не стали бы искать мужчину для свадебного обряда, если бы не было реальной угрозы жизни.

В дверь ванной внезапно постучали. Юй Юань вздрогнул и чуть не поскользнулся: его крошечное сердце не выдерживало таких потрясений.

Следом раздался строгий, старческий женский голос:

— Господин просит вас после умывания немедленно вернуться в его спальню. Мастер сказал, что сегодня вы обязательно должны провести ночь в одной комнате.

Вилла была спроектирована по модному нынче принципу: две спальни для супругов, разделенные стеклянной дверью. Слова женщины разбили мечту Юй Юаня спрятаться в своей комнате.

Как инструмент для обряда, Юй Юань мог только согласиться. Но даже после его ответа человек за дверью не ушел. Это ощущение слежки было для него равносильно купанию на глазах у всех, поэтому он поспешил закончить.

*

Через несколько минут Юй Юань вышел, закутавшись в халат, с полусухими волосами.

Увидев перед собой трех человек, он едва не задохнулся. Помимо той пожилой женщины, у двери стояли две няни помоложе. Посреди ночи все трое были в строгой темной форме. Главная из них, с идеально гладко уложенными седыми волосами и жемчужным ожерельем на шее, судя по всему, была экономкой резиденции Гу.

Юй Юань от страха широко открыл глаза и замер, не успев опустить голову. Его тонкие, изящные черты лица предстали перед всеми без прикрас.

Аккуратный нос, алые губы, нежная, как молоко, кожа, увлажненная горячей водой — все это выглядело изысканно и благородно.

Две няни, стоявшие за экономкой, на мгновение остолбенели. Никто не ожидал, что этот «недостойный» муж-невеста будет так хорош собой, если снять с него черные очки, скрывавшие пол-лица.

Юй Юань быстро опустил голову и отступил к двери ванной, его узкие плечи сжались от нежелания контактировать с незнакомцами.

Экономка внутри себя лишь презрительно хмыкнула: как бы он ни выглядел, эта трусливая и жалкая натура ничего не стоит, к тому же — он просто мужчина.

Она с каменным лицом строго поторопила его:

— Прошу вас, немедленно вернитесь в комнату господина.

Юй Юань и сам был не прочь уйти — находиться под прицелом трех пар глаз было выше его сил. Из двух зол он выбрал меньшее: лучше уж вернуться к Гу Шаочэну.

Хотя Гу Шаочэн тоже был пугающим, но, судя по сюжету книги, он дожил до самого конца. Разве пара порванных халатов — это такая большая цена на пути к мечте?

Так подбадривая себя, Юй Юань с замиранием сердца толкнул стеклянную дверь.

К его удивлению, когда он подошел к кровати, Гу Шаочэн уже спал. На прикроватной тумбочке стояло множество пузырьков и баночек — всевозможные сильные обезболивающие и успокоительные.

*

Когда в шесть утра Юй Юаня разбудили, сторона Гу Шаочэна была уже пуста.

Стоило ему открыть глаза и увидеть целую комнату слуг, как Юй Юань едва не скончался на месте. Он сжался под одеялом, побледнев от ужаса. Разве не говорили, что это частная резиденция? Зачем одному Гу Шаочэну столько прислуги?!

Пожилая экономка все с тем же каменным лицом произнесла:

— Господин, пришло время для подношения благовоний. Пожалуйста, поскорее переоденьтесь.

Юй Юань понимал слова, но не мог постичь их смысл: на улице зима, солнце еще даже не взошло, а его поднимают в шесть утра, чтобы он воскуривал благовония?

Под пристальным взглядом десятка глаз Юй Юань отвернулся:

— Вы... выходите, подождите меня снаружи.

Когда он вошел в Родовой храм клана Гу вслед за экономкой, то с запозданием понял, что препятствий на пути к его мечте гораздо больше, чем он предполагал.

Он почтительно воскурил благовония перед предками клана Гу. Когда он хотел подняться, экономка ударила своим посохом по полу и строго произнесла:

— Как двадцать седьмой супруге в семье Гу, вам нужно кое-что знать...

Затем экономка бесстрастным голосом начала перечислять великие свершения предков, рассказывать о том, как клан Гу передавал из поколения в поколение свои наставления...

Выслушав это, Юй Юаню хотелось лишь выкрикнуть: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Как древний аристократический род, клан Гу обладал таким фундаментом, который и представить себе не могли обычные люди. Но Юй Юань подумал: вся эта вековая мощь в итоге была поглощена отцом Гу, зятем-примаком... Такое возможно только в бульварных романах.

Матушка Чжан, экономка, вкратце рассказала о ситуации в семье. Ветвь Гу Шаочэна была прямой линией огромного рода Гу. У старого господина Гу была только одна дочь, поэтому Гу Шаочэн был его единственным внуком. И так как отец Гу был примаком, Гу Шаочэн считался законным наследником по прямой линии.

Матушка Чжан была кормилицей старшей мисс Гу и теперь отвечала за все дела в резиденции Гу Шаочэна. Она говорила это, чтобы Юй Юань понял: она не просто экономка, она — почти старшая родственница Гу Шаочэна, и он, этот муж-невеста, должен беспрекословно ей подчиняться.

Юй Юань сидел на коврике, не смея вымолвить ни слова, пока матушка Чжан не упомянула его «непочтительность» по отношению к Гу Шаочэну прошлой ночью:

— В качестве наказания вы должны простоять на коленях двенадцать часов.

Юй Юань: «???»

Они что, с ума сошли? Наказать двенадцатью часами стояния на коленях за то, что его стошнило на Гу Шаочэна?

Гу Шаочэн что, император? Династия Цин пала сотни лет назад! Хотя Юй Юань искренне хотел стать вдовцом, это не значило, что он готов безропотно принимать феодальные пережитки клана Гу.

Однако матушка Чжан, будучи старожилем в доме, свысока смотрела даже на кланы вроде Ванов, не говоря уже о Юй Юане — беспризорнике, которого только недавно признали. Она хотела с самого начала подавить его, чтобы он не возомнил себя настоящим хозяином и не начал мешать ей в будущем.

Закончив, матушка Чжан позвала трех служанок, которые встали вокруг Юй Юаня, чтобы следить за ним, а сама с комфортом уселась в кресло у окна, прихлебывая десятилетний чай.

В помещении стало слишком много людей, и Юй Юань, страдавший социофобией, тут же отбросил все попытки договориться.

Несмотря на то, что за годы борьбы с социальным расстройством он так и не вышел из тени, у него были свои методы борьбы с чрезвычайными ситуациями.

Как раз когда Юй Юань собирался проявить характер, двери храма снова открылись. Послышался звук колес инвалидного кресла, катящегося по деревянному полу.

Служанки, окружавшие Юй Юаня, по звуку отступили в сторону и, покорно опустив головы, выстроились у стены.

Юй Юань, вспотевший от напряжения, почувствовал себя гораздо лучше. Без очков он мог лишь щуриться, пытаясь сфокусировать взгляд. Увидев, что в кресле сидит бледный и исхудавший Гу Шаочэн, он почувствовал прилив благодарности — этот мужчина наконец-то выглядел как настоящий больной!

Гу Шаочэн равнодушно скользнул взглядом по Юй Юаню, с которого градом катился пот. Юноша выглядел необычайно жалко, но, узнав его, тут же просиял — его глаза заблестели, словно драгоценные камни.

Гу Шаочэн на мгновение замешкался, прежде чем скрыть свой мрачный взгляд.

Увидев внезапное появление Гу Шаочэна, матушка Чжан ничуть не растерялась и не спеша отставила чашку.

Когда старая госпожа Гу умерла при родах, старшая мисс Гу выросла у нее на руках, и даже в самые тяжелые моменты безумия Гу Шаочэн признавал только ее.

Что касается мужа-невесты на коврике, то, если она захочет, она найдет сотню причин, чтобы выгнать его. В конце концов, эта резиденция была под ее полным контролем.

Ей нужно было лишь допустить пару «ошибок» в лечении Гу Шаочэна, и этот бесполезный муж вылетит вон. Она держала Юй Юаня лишь потому, что его легко было контролировать, а искать кого-то другого ей было лень.

Видя, что Гу Шаочэн приближается, матушка Чжан с улыбкой поднялась. Ее взгляд упал на тыльную сторону ладони мужчины, и, не обнаружив следов от инъекций, она слегка приподняла брови.

Удивление в ее глазах исчезло так же быстро, как и появилось. Словно Юй Юаня не существовало, она с показной заботой спросила о здоровье Гу Шаочэна:

— Молодой господин, вам стало лучше? На кухне приготовили ваш любимый сладкий суп, он томился с полуночи, самое время. Помочь вам?

Гу Шаочэн выглядел болезненно бледным, даже хуже, чем прошлой ночью. Услышав ее, он даже не поднял век и безразлично ответил:

— С каких это пор ты стала решать за меня?

<http://bllate.org/book/18656/1798154>